

Генератор

Эдуард Шауров

ФАНТАСТИКА

У каждого человека есть своя дурацкая фишка. Кто-то собирает корейские марки, кто-то боится наступать на крышки колодцев, Геша Пересутин ходил на Плешку. Привычка бывать на блошином рынке появилась еще в школе. В младших классах он с одноклассниками бегал туда шалить, а в старших — начал чувствовать странную прелесть этого места. Плешка действовала на Гешу совершенно волшебным образом. Он бродил между кривобоких прилавков, среди расставленных прямо на асфальте коробок, глазел на никому не нужные разности, рассматривал потрепанный жизнью продавцов и ощущал себя то ли археологом, то ли искателем сокровищ.

Школа сменилась на институт, а Плешка как была, так и осталась. Геша приходил на рынок по субботам раз или два в месяц, гулял, наслаждался умиротворением, иногда покупал копеечные безделушки: старые очки в поцарапанной роговой оправе, жухлые книжки, в которых не хватало страниц, фарфоровых птичек с отбитыми клювами.

Иногда случались внеплановые походы. Вот и сегодня ноги сами принесли его на остановку семнадцатого автобуса, а через двадцать минут он уже бродил среди прилавков уличных торговцев. Причиной всему — глупая ссора с Ирккой, дурацкая такая ссора, совершенно на пустом месте. Если фанатеешь от всяких сальс и руэд, то совершенно необязательно принуждать к тому же всех остальных. Ну не желает твой парень два раза в неделю таскаться в школу самбы, и что? Не имеет права? Конечно, имеет. Но с этого самого места вырисовывалась одна проблемка — отношения с Ирккой Гешу вполне устраивали, и рвать их из-за какой-то ламбады совсем не хотелось. Задача...

По мере продвижения по Плешке гнетущие мысли становились не такими уж мрачными и постепенно переходили в разряд «как-нибудь разрулим». Свернув в самую бедную часть рынка, что тянулась вдоль бетонного забора, Геша задержался напротив старичка, сидевшего на раскладном стульчике перед двумя перевернутыми картонными коробками. На коробках теснилась всякая ерунда вроде фотографических рамок, стареньких детских игрушек, нескольких бритвенных станков, в которые нужно закручивать бритву «Нева». Но Гешу заинтересовал не товар, а его продавец — какое-то концентрированное воплощение серости: серое, аккуратно заштопанное в паре мест, не по погоде теплое пальто, серые брюки, серенький пух волос, пегая с проседью борода клинышком, серое выражение серого морщинистого лица. В уголках мутных невыразительных глаз белые комочки то ли засохшей слизи, то ли плесени.

Внутренне содрогнувшись, Геша с трудом отвел взгляд от лица серого человека и уже собирался двинуться дальше, как вдруг стайка пацанов лет семи-восьми прыснула между ним и торговцем. Сминая все вокруг бестолковым

броуновским движением, мелкие разом перевернули коробки и, не останавливаясь, ринулись в лабиринт проходов между прилавками. При этом один или два разбойника успели хапнуть на бегу что-то из разлетевшихся по асфальту мелочей. Несколько продавцов возмущенно закричали. Старичок суетливо вскочил, опрокидывая свой стульчик, но гнаться за хулиганами не имело смысла, и хозяин импровизированной лавочки, бормоча проклятия, опустился на колени у перевернутых коробок. Испытывая бог весть откуда взявшееся чувство вины, Геша присел рядом. Он собирал с асфальта бритвы и рамочки, стараясь не смотреть на серого торговца.

Когда все барахло было наконец сложено в одну из коробок, Геша торопливо поднялся и, кивнув старичку, быстро пошел прочь. Никчемное происшествие окончательно выбило его из колеи. Он уже спустился к самой остановке, когда за спиной сипло задышали и бесцветный сдавленный голос, сбиваясь, произнес:

— Молодой человек... Молодой человек, одну минуточку.

Геша обернулся. Конечно же это был он. Плечи под ветхим пальто судорожно вздымаются, закисшие глазки бегают из стороны в сторону, цепкая лапка сжимает веревочные ручки вставленных одна в другую коробок с нехитрым товаром. Отчего-то Геша даже не удивился повторному явлению серого.

— Одну минуточку, — переводя дух, повторил старичок. — Я не успел вас поблагодарить.

— Да ладно, — пробормотал Геша.

Старичок, явно не желающий слушать возражений, пожевал губами.

— Если вы не против, давайте присядем... Всего на одну минутку.

Геша покосился на табличку с расписанием автобусов и покорно кивнул.

Они сели на пустую скамейку с неудобной изрезанной ножиками спинкой. Геша сел слева, старичок — справа, пристроил свою поклажу на край сиденья и полез во внутренний карман. «Сейчас полтинник будет совать», — испуганно подумал Геша и в тот же миг увидел на сухой ладони старика извлеченный из пальто предмет — плоскую коробочку, не больше сигаретной пачки, с выпуклой кнопкой посередине. Кнопка периодически помаргивала красным. Больше всего это походило на самодельный реквизит для школьного театра.

— Вот. — Лицо старичка приняло торжественное выражение. — С почтением и самыми наилучшими пожеланиями...

— А это что? — осторожно спросил Геша.

— Генератор.

— Генератор чего?

— Генератор реальностей.

Геша приподнял брови:
— Реальностей?
— Именно. — Старик важно кивнул. — Совершенно эксклюзивная вещь.
— Хотите подарить мне эту штуковину?
— Не совсем. — Глазки смотрели внимательно и совершенно без всякого выражения. — Генератор реальностей нельзя подарить, потерять или выбросить. Его можно только продать и купить.
— Почему? — обалдело спросил Геша.
Старичок развел руками: дескать, так уж все устроено.
— И сколько стоит? — произнес Геша, уже понимая, что от старика так просто не отделаться.
— Стоит столько, сколько у вас есть с собой, и ни копейкой больше.

«Господи, — со смесью жалости и страха подумал Геша. — Кажется, действительно псих». На лице старичка появилось выжидательное выражение. Ладонка с коробочкой чуть подрагивала. «Черт», — подумал Геша и полез по карманам. На его счастье наскреблось в общей сложности триста рублей, которые со смешанным чувством облегчения и сожаления он протянул «благодарителю». Узкие губы старика вдруг тронула быстрая улыбка. Одной рукой он воровато вытянул из Гешиной ладони купюры, второй — сунул ему коробочку.

— И что мне с ней делать? — недоуменно проговорил Геша, рассматривая «подарок».

— Использовать по назначению. — Старичок быстро закивал. — Жмете на кнопку и получаете два часа новой реальности. Обратный переход совершается автоматически по истечении времени. Если предложенная реальность почему-то вам не нравится, опять же жмете на кнопку — и происходит досрочный возврат. Все элементарно.

Геша с сомнением рассматривал коробочку.

— И могу попробовать прямо сейчас? — задал он каверзный вопрос, покосившись на нового знакомого.

— Ради бога.

Хмыкнув, Геша надавил на кнопку, и ничего не произошло. Они по-прежнему сидели на скамейке, и старичок прятал триста рублей в пальто.

— Не работает, — констатировал Геша, с вызовом глядя на старичка.

— Да, — согласился тот, нисколько не смущаясь. — Кнопочка до сих пор красная... Может, вы не все деньги отдали?

Словно под гипнозом Геша полез в карман брюк, вытащил двадцать рублей, оставленные на обратную дорогу, и вложил в подставленную руку.

— Я же говорил, — удовлетворенно пропыхтел старичок, указывая на вдруг зажегшийся зеленый огонек. — А теперь жмите. Не бойтесь. Получите массу удовольствия.

Глаз с белым комочком в уголке весело подмигнул, и Геша почти автоматически, даже не успев ничего подумать, надавил на кнопку.

Сначала ему показалось, что он ослеп. Но уже в следующий миг, щурясь и хватая ртом влажный соленый воздух, он сообразил, что это просто солнце, сияющее полуденное солнце и яркое, как лазурит, небо с редкими перышками облаков, что его ноги, обутые в сапоги с широкими отворотами то проваливаются в тартарары, то взлетают вверх, будто на качелях. Да и с головой творилось что-то невообразимое: с одной стороны, он по-прежнему оставался Гешей Пересутиным, но одновременно был кем-то

совсем другим... Он был Хуаном Зубастым, и несущаяся по воде бригантина находилась в его безраздельной власти вместе с пушками, бухтами канатов, припасами в трюмах, вместе с шестью десятками дочерна загорелых полуголых мужчин, готовых на все по приказу своего капитана. И он на полубаке, оскаленный, без шляпы, с летящими по ветру волосами. Правая рука мертвой хваткой вцепилась в планшир, в кулаке левой — чудесная коробочка генератора. А впереди, прямо по курсу, всего в четверти лиги, корма французского торговца, на всех парусах удирающего от погони.

Одна за другой рывкнули носовые пушки, выплевывая клубы дыма, и смертоносные чугунные мячики подняли снопы брызг совсем рядом с галеоном.

— Los alcanzamos! Dispara mas! — заорал Хуан на незнакомом языке, и Геша неожиданно понял, о чем он кричит. Волна бешеного азарта захлестнула его и вдруг отхлынула, превращаясь в панику. Геша выпустил планшир и в ужасе нажал на мигающую кнопку...

Какое-то время он просто сидел, привалившись к неудобной спинке и бессмысленно таращась в пространство, затем опустил глаза на зажатый в руке генератор. Кнопка ровно и приглашающе светилась зеленым. «Не может этого быть...» — потрясенно подумал Геша, оборачиваясь к старичку, и впал в еще большее изумление — никого на скамейке не было: ни продавца с барахолки, ни его коробок. Ушел? Интересно, когда? Удивляясь все больше и больше, Геша огляделся и понял, что это совсем не та скамейка и не та остановка. Прямо перед ним раскинулась невесть откуда взявшаяся площадь перед торговым центром «Октябрьский» с фонтанчиками и детскими каруселями. В голове слегка поплыло. Геша осторожно щипнул себя за ляжку. Фонтанчики и карусели никуда не исчезли, генератор реальностей тоже, лежал себе на ладони, светился зеленой кнопкой. Вот так штука! Если происходящее не было сном или глюком, то генератор просто офигительная штука, а топать отсюда до дома придется через полгорода. Чувствуя, что его просто распирает от восторга, Геша похлопал себя по карманам: вдруг что-то таки завалось, и, улыбаясь, поднялся со скамейки.

Лекция по термеху закончилась в три. Гриц, как обычно, поблагодарил всех за внимание и принялся укладывать старомодный портфель. Аудитория зашумела, закричала стульями, зашуршала тетрадами. Народ потянулся к выходу.

— Пересутин, задержитесь на секунду.

Геша, с сожалением поглядывая в спины однокашников, свернул и остановился рядом с преподавательским столом.

Гриц застегнул портфель и, стянув с носа очки, уложил их в нагрудный карман.

— Евгений, — проговорил он со странной интонацией, — вы становитесь редким гостем на моих занятиях. За последние две недели вы были только раз. Что происходит?

— Я нагону, Виктор Степанович, — бодро пообещал Геша.

— Смотрите. — Гриц нахмурился. — Я должников не люблю... Ну, не смею больше задерживать.

— До свидания, Виктор Степанович.

«Да кто ты такой, старый пень?» — подумал Геша, ныряя за дверь.

Будущий должник вприпрыжку спустился в холл первого этажа, но свалить по-быстрому опять не получилось — у самого выхода поджидала Ирка. Мысленно выругавшись, Геша попытался проскочить мимо, но девушка поймала его за рукав. Слабая попытка прорваться успехом не увенчалась.

— Пересутин! — Иркины пальцы цепко держали его локоть. — Нам очень нужно поговорить.

Уже на широком институтском крыльце Геша сделал второй заход.

— Мне сейчас совершенно некогда, — проговорил он сокрушенно. — Позвонили с работы, нужно срочно съездить по одному адресу.

— Зачем ты врешь? — Красивые Иркины брови сошлись на переносице, над левой темная точка родинки. — Ты уволился из доставки еще в том месяце. Я наводила справки... Ты что, просто не хочешь со мной встречаться? Неужели тот спор?..

— Понимай как знаешь. — Геша резким движением освободил руку. — Мне сейчас некогда, — повторил он. — Поговорим в другой раз.

Всю дорогу до дома он думал, на кой черт ему нужна эта Ирка, и уже на остановке совершенно отчетливо понял, что ни на кой, что всякие Ирки просто балласт. Пустые разговоры, вечные обиды, убогий секс и серая бытовуха: закрути шуруп, повесь шторы... Глупо выбирать между абонементом в мишленовский ресторан и пожизненной овсянкой. Когда он вошел в подъезд, на душе еще оставался неприятный осадок, но голова была чиста и свободна.

Так уж удачно сложилось, что Геша обитал в старенькой бабушкиной хрущёвке. Родители его особо не понимали, визитами не злоупотребляли, иногда помогали с коммуналкой, так что жил он почти как отрезанный ломоть, самостоятельно. Взбежав на второй этаж, Геша отомкнул дверь и ввалился в узкую прихожую. Его аж подбрасывало от приятного предвкушения. Не снимая ботинок, он протопал на балкон и сначала проверил свою маленькую майнинг-ферму, после этого на скорую руку перекусил в захлавленной кухне, вскользь подумал, что хорошо бы прибраться, и сразу переместился в комнату на продавленную тахту, натянул куртку, затем достал генератор.

Генерировать реальности лучше всего из дома. Так, по истечении времени, гарантированно приходишь в себя на знакомой тахте, а не на окраине промзоны или во дворе малознакомой многоэтажки. Правда, если раньше времени прерываешь контакт, все равно тебя выбрасывает черт-те куда. Хорошо хоть в пределах городской черты. Хотя Геше приходилось добираться и из Медведкова... в тапках на босу ногу. Больше он так уже не вяпывается.

Геша поднял к глазам коробочку генератора и мягко надавил кнопку...

— Курт, — сказал по-английски мягкий бас, — тащи сюда свою задницу. Нюхни, дружище. Такой дури ты еще не пробовал.

Покачиваясь, Геша поднялся с развороченного дивана и упал на стул между толстяком с рыжими бакенбардами и тощим хлыщом в драных джинсах. Через красноватый полумрак гостиной плыли серые ленточки дыма. Какие-то девки курили, лежа на сброшенных с дивана подушках. Геша, ухмыляясь, принял из рук толстяка свернутую трубочкой купюру и наклонился к полированному столу. Сначала он втянул левую дорожку, потом — правую.

ФАНТАСТИКА

— Ну как? — весело спросило расплывающееся лицо толстяка.

— Ух... шибануло, — просипел Геша, растирая нос пальцами и вытягивая сигарету из сонных пальцев хлыща. Ему было хорошо... Офигительно хорошо.

Темный проем двери с занавеской из цветных бус пьяно качнулся, являя длинноногую брюнетку в одних трусиках, вторая девушка уже без всяких трусиков обнимала ее сзади за плечи.

— Курт, — капризно позвала брюнетка, — хватит жаряжать. Иди к нам, а то мы с Джиной устали тебя ждать.

Блаженная улыбка раздвинула Гешины губы. Он глубоко затянулся и выпустил дым в полированную столешницу. Завитки слоистых табачных течений поплыли над столом, постепенно сплетаясь в смутно знакомое лицо с родинкой над левой бровью. Хихикнув, Геша ткнул в это лицо окурком, затем поднялся и, покачиваясь, двинулся в сторону забранного бусами проема, на ходу стягивая фиолетовую майку.

В субботу, ближе к двенадцати, Геша проснулся на своей тахте в куртке и ботинках. Он совершенно не помнил вчерашнего перехода, наверное, сразу отрубился, как только оказался в квартире. Последняя генерация была просто чудовой: патриции, сенаторы, отставные легаты. Чернокожие рабыни, разносящие вино и фрукты, и он, пожилой, слегка обрюзгший претор... опытный, маститый, выдавший виды... Как ни странно, но в последнее время Геша стал находить все больше прелести в таких воплощениях.

Уже в ванной, глядя в зеркало на свое чуть опухшее лицо, он вдруг сообразил, что за последние трое суток побывал в шкуре (Геша начал загибать пальцы) тридцати двух... нет, тридцати трех людей. Неудивительно, что его срубило. Эдак можно и с катушек слететь. Ему просто необходимо пройти по свежему воздуху.

В половине второго нахохленный Пересутин, обмотав подбородок фиолетовым шарфом, шагал в сторону центра. Мелкие снежинки кружились в воздухе и падали на мокрый серый асфальт. Геша дошел почти до площади Ленина, когда сообразил, что пару дней не ел ничего основательного. Чувствуя в желудке сосущую пустоту, он огляделся и направился к первой попавшейся кафешке. Незапоминающаяся официантка со скучным лицом поставила на его столик салат, бифштекс с яйцом и овощным гарниром, подсунула под кружку с пивом бирмат и ушла, деревянно качая бедрами. Отодвинув салат, Геша вонзил вилку в мясо. Он слопал почти половину бифштекса с овощами, когда медленно нарастающее в нем недоумение наконец превратилось в уверенность — все, что он ел, наминало прессованную бумагу. Ничего не понимая, Геша зацепил салата, потом приложился к пиву. Ощущение,

будто жуешь салфетку. Исполняясь возмущением, Геша поднял голову, выискивая глазами официантку, и обомлел. Когда-то у бабушки был черно-белый телик. Геше вдруг показалось, что ему снова семь лет и он смотрит старенький «Рекорд». Столы, шторы, скатерти, картинки на стенах, люди за барной стойкой — все было монохромно серым, словно пропущенным через фильтр фотшопа. Геша заморгал. Самое ужасное заключалось в том, что нечто подобное уже происходило с ним полторы недели назад, но тогда это нечто продлилось не больше пары секунд, и он убедил себя, что все случайность и глупая фантазия. Геша изо всех сил потер глаза. Ничего не изменилось, и Пересутину стало по-настоящему страшно. Он вскочил, уронив стул, бросил на стол несколько смятых купюр и выбежал из кафе.

Ловя удивленные взгляды, Геша мчался мимо серых людей, серых домов, серых деревьев. Квартал за кварталом, через серые дворы и игровые площадки... Обреченный животный ужас гнал его все дальше и дальше. Возле серой пятиэтажки, у площадки с мусорными контейнерами, Гешины силы окончательно иссякли, и он, задыхаясь, уткнулся в профлисты ограждения, зажмурился, а когда наконец решился приоткрыть глаза, то увидел край своего фиолетового шарфа. Фиолетового! Едва не заорав от радости, Геша запрокинул голову. Над ним висели восхитительно синеватые тучи, а перед ним теснились желто-оранжевые мусорные баки. Чувствуя дрожь в ослабевших коленях, Геша вытянул из кармана генератор. Несколько минут он раздумывал, глядя на бесстрастно светящуюся зеленым кнопку, потом, внезапно решившись, размахнулся и бросил прибор в разинутую пасть крайнего контейнера.

Он успел уйти довольно далеко, и шел до тех пор, пока растущее в груди малодушное чувство не достигло уровня наркоманской ломки, тогда Геша развернулся и, постепенно ускоряя шаги, ринулся назад. Вот дурак! Вот чертов имбецил! Он вбежал во двор той самой пятиэтажки и сразу кинулся к мусорной площадке. Он понимал, что придется рыться в отходах, но это не пугало и не смущало его. Геша подбежал к контейнерам и остановился. Генератор был здесь, как ни в чем не бывало, лежал на краю бетонного бордюра. Геша был готов покланяться, что бросал его в ящик, но сейчас это не имело значения. Совершенно никакого значения... Всхлипнув от счастья, Геша прижал коробочку к щеке и в полном изнеможении опустился на мокрый асфальт.

Телефонный звонок разбудил его около одиннадцати. С трудом пытаясь продрать глаза, Геша нащупал телефон. В квартире стоял полумрак из-за задернутых плотных штор. Геша поднял «самсунг» к лицу и с трудом сконцентрировал взгляд. Звонил Сашка Ильченко. Геша, тихо матерясь, нажал кнопку «ответить».

— Здорово, братан, — произнес озабоченный Сашкин голос. — Ты что, спишь там?

— А какая, в попу, разница? — Геша, сопя, сел на тахте. — Чего надо?

Сашка на секунду замолчал, потом сказал нарочито бодрым голосом:

— Слушай, тебя уже три недели нет в институте. Что происходит? Гриц спрашивал... У тебя все в порядке?

— Все норм, — сказал Геша, думая, как бы отвязаться.

— Ты того, сессию сдавать вообще собираешься?

— Какая, на хрен, разница? — прорычал Геша.

Сашка опять замолчал.

— Ладно, — наконец проговорил он растерянно. — Сегодня вообще-то зачет... Ты это... Народ уже болтает, что ты на какой-то дури.

— На какой еще дури? — сказал Геша, окончательно просыпаясь. — Ладно... У меня тут второй звонок...

Сашка что-то пискнул в телефоне, но Геша уже переключился. На второй линии была мама. Что называется, из огня да в полымя.

— Женечка, это ты? — Высокий взволнованный голос подрагивал, словно на той стороне собирались заплакать. — У тебя все хорошо? Ты не был у нас уже месяц. Мы же беспокоимся.

— Mam, у меня все отлично... Что за глупые страхи?..

Стараясь не давать волю раздражению, Геша отвечал, что с учебой все прекрасно, что просто очень много дел, что деньги у него есть, что кушает он нормально и непременно постарается заехать на той неделе. Он говорил и никак не мог вспомнить мамино лицо. Перед глазами стояло смазанное фото почти незнакомого человека.

— Мы хотим заехать к тебе в выходные, — сказала мама почти успокоенно.

— В выходные лучше не надо, — поспешно выпалил Геша. — Выходные будут совершенно забиты. Нужно готовиться к зачету и еще коллоквиум... Слушай... Мне пора бежать... Отбой... Передавай привет папе... Пока...

Он бросил телефон на подушку, затем провел ладонями по лицу и выпрямился. Генератор зеленел глазом на туалетном столике у изголовья. «Только сначала надо сходить в сортир и чего-нибудь пожрать», — подумал Геша, спуская ноги на пол. Он практически не ел со вчерашнего дня, но как-то особенно и не хотелось. «Потом пожую», — решил Геша. Справив нужду и наскоро умывшись, он схватил со стиралки генератор, который теперь старался постоянно держать под рукой, и выскользнул в прихожую.

Путаясь в рукавах, Геша быстро натянул куртку, сунул ноги в ботинки и, не завязывая шнурков, запустил генерацию. Кнопка мигнула, и стены темной прихожей раздвинулись, растаяли в потоках яркого солнечного света, льющегося сквозь высокие окна. Несколько первых секунд Геша изумленно таранился по сторонам, постепенно узнавая интерьер, высокие панели, измазанную мелом доску, знакомые, но какие-то нереальные фигуры, склонившиеся над столами.

— Пересутин, — произнес голос Грица, — вы, кажется, уже готовы?

Вот же хрень! Геша в панике надавил на кнопку генератора и повалился навзничь. Изрыгая проклятья, он кое-как перевернулся и встал на ноги, одновременно пытаясь понять, где очутился. Прямо перед ним вздымался к небу целый холм из разнообразной дряни. Лопнувшие мешки, обломки мебели, битое стекло, синие полиэтиленовые пакеты. Над пологой вершиной холма кружились кричащие стаи птиц. Пованивало. Где-то гудела техника.

Вот это попадалово! И как теперь отсюда выбираться?

Геша беспомощно огляделся, потом опустил глаза на зажатый в руке генератор и обалдел. Кнопка мигала, только ритм как будто стал чуть скорее. Это могло означать лишь одно — он до сих пор в генерации, а значит, мусорный полигон вовсе не его реальность. Уф-ф-ф... Просто гора с плеч. Геша с облегчением выдохнул. «Какие-то сбои сегодня дебилные», — подумал он, нажимая кнопку...

Непроницаемая темнота, залепившая глаза, в первый момент была такой плотной, что Геше показалось, что он ослеп. Ему опять стало страшно. Он поднял руки и раз-

личил в правой отсвет мигающего зеленого светляка. И на этот раз подрагивающий сигнал генерации его вовсе не успокоил. Скорее наоборот.

Под ногой жидко чавкнуло.

— Эй! — слабо позвал Геша.

Звук тускнеющий ниточкой уплыл в темноту, замер, и темнота вдруг взорвалась нечеловеческим ревом, от которого шевельнулись волосы на голове. Спину окатило кипятком испарины. Закричав, Геша изо всех сил ткнул в кнопку... и оказался в полумраке своей прихожей.

Сердце колотилось так, словно пыталось проломить ребра. В ушах шумело. Непослушными пальцами Пересутин сунул генератор в карман, привалился спиной к двери и в изнеможении закрыл глаза. «Нужно успокоиться, — пронеслось в его голове. — А то меня хватит инфаркт». Так... Глубокий вдох через нос. Выдох. Как при беге на три километра. Вдох. Выдох.

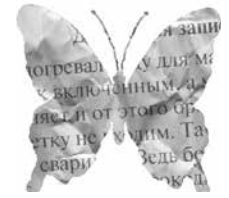
Воля ваша, но что-то было не так. Геша еще раз втянул непривычно пахнувший воздух и открыл глаза. Это была не его прихожая и не его хрущевка. Обои похожей расцветки, но совсем другого рисунка и в углу какая-то вешалка с тряпьем. Черт, черт и черт! Такого с ним еще не случалось, чтоб на выходе из генерации попасть в чужую квартиру. А что, если вернуться хозяева? А что, если они сейчас дома? Рассказы про волшебную коробочку точно не помогут. Геше стало плохо. В поисках ручки он ощупал дверь, но обнаружил только две скважины для ключей. Что же за день такой сегодня? Он опять сделал глубокий вдох и прислушался. Нет. В квартире стояла тишина, только тикали часы, и капала где-то вода из крана. Хозяева точно не дома, и дожидаться их просто глупо. По здравому размышлению оставалось два способа: опять создать генерацию и быстренько выйти из нее, пускай хоть в Медведкове, или попытаться поискать в квартире запасные ключи, люди обычно держат второй комплект... где-нибудь на гвоздике.

Геша выбрал последний вариант. Опасаясь зажигать свет, он ощупал в полутьме прихожей ручки вешалок, ничего не нашел и осторожно заглянул в комнату. Типичная стариковская обстановка: раскладной диван, древний комод, шкаф, ходики на стене, какие-то коробки с ручками, в простенке между кухней и прихожей высокая тумбочка с дверками, над ней зеркало в раме, а прямо на широкой облезлой раме, на гвоздике, — спасибо тебе, господи! — связка ключей.

Протягивая руку, Геша шагнул вперед и замер: в зеркале отражался совсем не он, а совершенно другой, хотя и смутно знакомый человек. Пальцы ударили по клавише выключателя: из глубины побитого патиной серебра прямо на Евгения Пересутина смотрело сморщенное невыразительное личико: серенький пух волос на черепе, пегая бородка клинышком, закисшие глазки с сухими мочочками слизи в уголках...

Закричав чужим сдавленным голосом, Геша выдернул из кармана генератор: кнопка светилась помидорно оранжевым цветом. Исступленно рыча, сморщенный серый старик разом за разом вдавливал ее в поверхность блестящей коробочки, потом отшвырнул приборчик в сторону и, тихо скуля, сполз по дверной притолоке.

Натужно покряхтывая, он спустил худые дряблые ноги с дивана, посидел так несколько секунд, раскачиваясь маленьким сухим телом, потом поднялся и, шаркая тапками, поплелся в кухню. Тупо болело в затылке и слегка подташ-

ФАНТАСТИКА

нивало. Бутылки из-под портвейна целым стадом стояли справа от подоконника. Присев на корточки, он поднял одну, посмотрел на свет. Нужно отмочить этикетки и сдать все в пункт приема, но что-то подсказывало ему, что делать это нужно не сегодня. С трудом распрямившись, он пошаркал обратно. В шкафу, под сложенными тонкой стопкой рубашками, обнаружилась последняя сотня и мятый полтинник. До пенсии оставалась еще неделя. Негромко бормоча, старик натянул серые заштопанные брюки с пятном на правом колене, застегнул серую клетчатую рубашку. Затем вытянул на середину комнаты картонную коробку с веревочными ручками, перебрал и протер от накопившейся пыли фотографические рамки, пластмассовые автомобильчики, разборные станки безопасных бритв. Сложил все это обратно в коробку, вытащил в коридор. Последнюю сторублевку он сунул в один карман брюк, в другой затолкал коробочку генератора. Ну вот, пожалуй, можно и выдвигаться.

Слегка приволакивая ногу, по которой ударяла громоздкая коробочка, он двигался сначала вдоль трамвайных путей, затем свернул и пошел по маршруту автобуса номер семнадцать.

Люди, спешащие по своим делам, совершенно не замечали маленького человечка в холодном, не по погоде, сером пальто, а тот, казалось, не замечал их. Он миновал конечную остановку и по узкой аллейке, мимо бетонного забора, поднялся до двух порыжелых столбов с металлической перекладиной. Здесь кончался весь остальной мир, и начиналась Плешка.

Уверенно пробираясь по лабиринту самодельных прилавков, серенький человек миновал квартал часовщиков, свернул направо и углубился в самую неприятную часть Плешки. Здесь его, кажется, знали. Ему кивали или что-нибудь говорили вслед, а он шел себе и шел, неприметный, как плевок у обочины. Найдя квадратик свободного пространства, который никто не спешил занимать, остановился. Соседи вокруг зашевелились.

— Здорово, — сказал худой, заросший щетиной мужик у подставки с брючными ремнями. — Давненько тебя не было. Мы уже всякое передумали... — Он обернулся к другому продавцу и добавил весело: — А я-то, дурак, не верил, что Константиныч тут самое неубиваемое и неизменное из явлений природы.

Человечек сдержанно улыбнулся, вынул коробки одну из другой, поставил их на асфальт дном кверху и молча принялся расставлять фотографические рамки.

